

Только тогда Гу Сань улыбнулся. Тэнъи взяла свиток и развернула его. Первая строка гласила: «С грустью лежу в новой весенней одежде...» Та белая одежда, такая мягкая и теплая, но с легким холодом, как у нового снега... «В мире одинок, многое идет не так. Красный дом за дождем кажется холодным, жемчужные занавески светятся, я возвращаюсь один...» Это стихотворение «Весенний дождь», каждое слово словно описывало состояние Гу Саня в тот день. Он провел пальцем по иероглифам и вздохнул.

— Прекрасные слова, прекрасное стихотворение, идеально подходит!

Тэнъи, слегка разбираясь в поэзии, понимала его печаль и резко сменила тему, спросив Не Фэйлуань:

— Почему ты не вышла из своего статуса?

Не Фэйлуань на мгновение заколебалась.

— Я могу выйти из тридцати шести отделений Павильона Весеннего Дождя, но не могу избавиться от своего низкого статуса. С девяти лет я была официальной куртизанкой, за более чем десять лет у меня было множество подруг, хотя я и занималась сбором информации для Павильона, но вкладывала в это искренность. Многие сестры называют меня старшей сестрой, и пока я остаюсь в своем статусе, не говоря уже о том, чтобы защищать чьи-то права, я хотя бы могу дать им надежду. Если я уйду, кому они смогут рассказать о своих бедах?

Тэнъи удивилась, Не Фэйлуань склонилась в поклоне.

— Вы, госпожа, обладаете высокой боевой подготовкой, конечно, вам не понять страданий слабых женщин. Сегодня мы прощаемся, и, возможно, больше не увидимся. Я считаю себя счастливой, что встретила Третьего молодого господина Гу, и благодарю его, а также прощаюсь с вами, госпожа.

Гу Сань помог ей подняться.

— Ты говоришь, что я умею разбираться в людях, но я знаю тебя не так хорошо, как Лэ Юй. Я вижу в тебе луну в канаве, а он видит в тебе древнюю героиню, вышедшую из мира порока.

Неожиданно на глазах Не Фэйлуань появились слезы, более десяти лет жизни в мире порока были смыты несколькими словами. Она улыбнулась.

— Старший брат поручил мне передать вам одно: можно только жалеть, что ваши родители создали вас слишком прекрасным, он никогда не сможет вас ненавидеть. Он написал вам «Весенний дождь», но не забудьте, что есть еще одно стихотворение, которое вам обоим нравится. Брачный договор все еще в силе, когда дела будут завершены, и вы сможете отпустить, надеюсь, что «встретимся с улыбкой, и однажды в лодке снова будем друзьями».

На следующее утро во Дворце Бессмертного Долголетия царила тишина и свет. В боковой часовне курился дымок, и в тени будды слышался тихий голос наложницы Жун, читающей молитвы. Гу Хуань подождала немного, пока голос стих, и две служанки с бесшумными шагами вошли, неся благовония, цветы и фрукты, окропили пол веточкой ивы, а затем помогли

наложнице Жун подняться.

Гу Хуань вела себя почтительно, наложница Жун медленно вышла.

— Ты знаешь, почему я не позволила тебе войти в часовню?

Гу Хуань ответила:

— Прощу вас, наставница, объяснить.

Наложница Жун спокойно сказала:

— Я думала, что если мой сын кого-то полюбит, я буду относиться к ней как к своей дочери. Но ты мне никогда не нравилась.

Гу Хуань покорно склонилась.

— Тогда это, должно быть, моя вина.

Эти две женщины, хотя и с разницей в возрасте почти двадцать лет, обе были с черными как смоль волосами и белой как яшма кожей. Гу Хуань уже была красавицей, холодной как лед, но в аур она проигрывала наложнице Жун, рядом с ней она была как жемчужина, не сравнимая с полной луной. Наложница Жун стояла за порогом часовни, в простой одежде, с облаком волос, как бессмертная, но одинокая и беззащитная, глядя внутрь часовни.

— Мне не нравятся твои замыслы, но я сочувствую твоей судьбе.

Гу Хуань вздрогнула.

— Благодарю вас, наставница.

Более десяти лет наложница Жун держалась от нее на расстоянии, никогда не причиняла ей вреда, но и не делилась своими мыслями. Даже через месяц после смерти Сяо Шаньги, когда они обе потеряли сына и мужа и были в отчаянии, они не сблизились. Наложница Жун повернула свое лицо, прекрасное как у бессмертной.

— С первого взгляда я поняла, что твои амбиции слишком велики, даже больше, чем у мужчин, борющихся за власть. И действительно, ты стоишь мне одного сына, а теперь и второго.

Гу Хуань отступила на два шага, украшения на ней зазвенели, ее лицо стало белым как снег. Наложница Жун опустила глаза.

— До сих пор ты не сказала мне — как на самом деле умер Шаньги?

Гу Хуань тихо произнесла:

— Наставница...

В ее глазах был ужас, это была тайна, которую знала только она, но наложница Жун уже догадалась. Как же она смогла жить с человеком, убившим ее собственного сына? Наследный принц, получивший приказ командовать армией, был ранен стрелой Северной Хань и умер по пути домой. На самом деле ранение Сяо Шанъи не было смертельным, смертельным стало то, что ему тайно послали семь указов, обвиняющих его в непочтении к отцу и связях с военачальниками с целью мятежа. Лекарства не помогали, а горе и гнев довели его до того, что он умер, не закончив письмо с оправданиями.

Даже тигр не ест своих детенышей, Гу Хуань почувствовала себя в ледяной пещере, слегка дрожа, она закашлялась.

— Сначала я не могла поверить, что Его Величество намеренно убил Шанъи. Пока... пока он не натравил князя Цыяна и князя Инчуаня друг на друга, без усилий заставив одного умереть от удара ножом, а другого бросить в тюрьму, я не осмелилась сделать вывод, что смерть Шанъи была вызвана страхом Его Величества. Поэтому я должна была спасти маленького девятого...

Она не договорила, но мысль была ясна: потому что он был единственным младшим братом Сяо Шанъи и единственным сыном императора Чу, который мог вызвать у него жалость, единственным, кто мог взять трон у императора Чу.

Наложница Жун закрыла глаза, слабо вздохнула, боль прошла, осталась только пустота. Она спокойно подняла голову, глядя на лицо сострадательного будды, ее лицо было таким же светлым, как у будды, в свете дневных свечей, она выглядела как вечно юная красавица, но в этом мире она постоянно страдала.

Вокруг никого не было, она вдруг иронично улыбнулась, эта улыбка была такой, что даже огонь войны не мог бы ее вызвать, бывшая самая знатная женщина юга, первая красавица мира, сказала:

— Нет ничего более жестокого, чем императорская семья. Мой муж замыслил убить моего отца, мать, братьев и сестер, а затем убил моего старшего сына. Ладно, сколько бы я ни молилась, я могу только молиться о следующей жизни, но в этой жизни мне не помог ни один бог.

Гу Хуань лишь осмелилась предположить, что восстание Таньхуа, падение династии Чжоу и провозглашение независимости четырех государств связано с императором Чу, но не осмелилась сказать, что он был зачинщиком. Наложница Жун явно знала, что все эти годы она спала с человеком, убившим ее родителей, братьев и сестер, и родила его детей. Гу Хуань почувствовала леденящий страх, она поняла, что жестокость императора Чу превосходит ее воображение.

Но наложница Жун сказала:

— Ли выбрал свой путь, ты должна помочь ему присмотреть за ним, ведь Ли отличается от Шанъи... он слишком похож на одного человека. Если в мире есть кто-то, кого Его Величество

не сможет убить, то это точно он.

Гу Хуань и наложница Жун стояли перед богами, а за пределами зала Юйси, где находился император Чу, на ступенях из яшмы стояли на коленях три-пять советников, с двух сторон стояли солдаты Императорской гвардии. Император Чу был в ярости, он даже не позволил им стоять под навесом, они стояли на коленях под полуденным солнцем, их одежда была мокрой от пота, у некоторых лица были белыми, губы синими, они падали в обморок, и солдаты уносили их. Князь Шоушань, Сяо Шанчунь, стоял под навесом, одетый в легкую одежду, рядом с ним стоял евнух, докладывая.

Евнух тихо сказал:

— Эти господа словно сговорились, уговаривают Его Величество сократить расходы дворца, чтобы подать пример стране, говорят, что нужно сократить расходы, но если уж сокращать, то и дворцы не строить. Его Величество, конечно, разозлился, вот и наказал их, оставил под арестом.

Сяо Шанчунь слегка кивнул, издали увидел своего девятого брата, князя Цзинчэна, идущего к ним. Он был замешан в этом деле, как и князь Цзинчэн. Если бы один человек подстрекал советников подавать петиции, это было бы просто разведкой, чтобы проверить намерения императора, и это не затронуло бы многих, одну-две неприятные петиции император Чу, чтобы показать свою великодушность, просто проигнорировал бы. Но его девятый брат тоже поступил так, и слишком много людей подали петиции, которые заделали императора Чу, и он, в свою очередь, арестовал всех советников, поставил солдат Императорской гвардии, и ни князь Шоушань, ни князь Цзинчэн не смогли их спасти.

Князь Шоушань с ироничной улыбкой посмотрел на Сяо Шанли, думая, что этот девятый брат, считающий себя выше всех, наконец, не выдержал и вступил в борьбу, он хотел посмотреть, какие приемы есть у этого красивого, как любимец, мальчишки.

Но князь Цзинчэн посмотрел на него, и его черные глаза сверкнули ледяным светом. Он нахмурился, увидев, как князь Цзинчэн поднялся по ступеням, с высоты резко пнул одного из советников, и тот упал на две ступени ниже.

— Убирайся.

На мгновение никто не двинулся, Сяо Шанли выхватил меч у одного из солдат, звон металла заставил всех вздрогнуть, как будто они услышали звук оружия, он, не глядя, направил меч на шею командира.

— Под предлогом подачи петиций вы запугиваете императора, ищете славы и хотите оставить свое имя в истории, это непочтение. Ты не арестовал их, это твоя вина.

<http://bllate.org/book/15272/1348097>